

ИЗБРАННОЕ

Если революция, то "цветная"

Цепочка передачи власти – Ельцин назначил Путина, Путин назначил Медведева и т.д. - не может быть вечной
02.07.2008

Людмила

Последние события в Улан-Баторе, детонатором которых послужили выборы, очень напоминают те, которые не раз происходили на постсоветском пространстве и назывались «оранжевыми революциями». Главный научный сотрудник Института Европы РАН Дмитрий ФУРМАН в беседе с главным редактором «Избранного» рассуждает о характере и закономерностях «цветных революций»

- Цветные революции - явление значительно более широкое, чем те три революции на постсоветском пространстве – в Грузии, в Киргизии и на Украине, которые привели к смене власти. На одну удавшуюся революцию всегда приходится несколько подавленных, неудавшихся. И неудавшихся цветных революций у нас было значительно больше, чем эти три, только прежде никто не называл их цветными. Первая и неудавшаяся цветная революция на постсоветском пространстве была, насколько я понимаю, тоже в Армении - в 1996 году. Затем в той же Армении попытка цветной революции происходит в 2003 году. Так что теперь в Армении это – третья. Аналогичные события происходили в Азербайджане, в Белоруссии, в Молдавии. В Грузии, уже после победы Саакашвили, оппозиция Саакашвили снова пытается организовать цветную революцию. Так что в границах бывшего СССР набирается уже около десятка случаев.

- Но что такое цветная революция? Это специфически постсоветское явление?

- Механизм цветной революции ясен. Происходят выборы. ЦИК объявляет, что победил кандидат партии власти – действующий президент или тот, кого он назначил своим преемником. В Армении, например, бывший президент Кочарян, выходец из Карабаха, поддерживал Саркисяна, тоже выходца из Карабаха (карабахцы в Армении сейчас что-то вроде наших «питерских»). Оппозиция заявляет, что результаты выборов фальсифицированы. Очень важно подчеркнуть, что оппозиция выступает не против конституции и законов, а наоборот, за них, и обвиняет власть в их нарушении. Цветная революция направлена не против формального строя, законности, как «классические» революции, вроде русской или французской, и даже как антикоммунистические революции, а за формальный конституционный строй.

Оппозиция выводит своих сторонников на площадь. Начинается «война нервов». При этом обе стороны стараются не доводить дело до крови – для каждой из сторон очень важно представлять дело так, что именно она держится строго в рамках законности. Происходит демонстрация физической силы (на улицах – сотни тысяч человек, это – реальная физическая угроза), но до применения силы стараются дело не доводить. При этом, естественно, возможны и даже неизбежны провокации – ведь в этой ситуации выгодно показать, что противник преступил закон и первым применил силу. Если у оппозиции нервы крепче, на провокации она не поддаётся, если из лагеря власти начинаются перебежки, власть теряет уверенность в поддержке силовиков, боится и начинает переговоры, если на неё оказывается сильное давление извне (приезжают всякие Хавьеры Соланы, правителю обещается личная неприкосновенность и т. д.), оппозиция может победить. Результаты выборов аннулируются, происходят новые выборы. Если же этих условий нет, власть разгоняет митингующих и всё переносится на следующие выборы.

Уже из сказанного выше ясно, что такие революции – явление характерное для стран с

определённым типом политической системы. Они, естественно, невозможны в реальных демократиях, где просто происходят выборы и ротация власти и где никому в голову не приходит, что результаты выборов могут быть фальсифицированы. Ясно, что в США или Англии цветные революции невозможны. У нас в постсоветском пространстве никаких попыток цветных революций не было в балтийских странах. С другой стороны, они не могут быть и в странах вроде Саудовской Аравии или Северной Кореи, где вообще никаких выборов нет. То есть, их не может быть там, где выборов нет или они ничего не значат, являются просто ритуалом изъяснения лояльности власти.

Цветные революции по сути своей могут быть только в «имитационных демократиях», где есть конституции, где прописаны всякие свободы и альтернативные выборы, но реально власть находится в руках президента и его «клана», которые превратили конституцию в фасад, то есть, где есть разрыв между конституционной формой и неконституционным, авторитарным содержанием. Выборы – это та точка, где этот разрыв наиболее ярко проявляется. И объективная задача цветных революций – преодоление этого разрыва, приведение содержания в соответствии с формой.

Но при этом, очевидно, цветные революции возможны только в странах с относительно либеральным вариантом имитационных демократий. Строго говоря, Туркменистан, например, тоже имитационная демократия. Там тоже есть конституция со всякими свободами. Но нет никакой легальной оппозиции, выборы здесь абсолютно ритуальны, с ними не могут связываться никакие надежды и ожидания. Для цветных революций нужна фальсификация результатов выборов, но в Туркмении нет и фальсификации – люди приходят, опускают бюллетени.

- Как в СССР?

- Да, как в СССР. Фальсификации, конечно, были и в СССР, потому что к урнам людей приходило меньше, чем объявлялось. Но ясно, что дело было не в фальсификациях. То же и в Туркмении. Здесь цветная революция невозможна. Думаю, цветные революции невозможны и в Узбекистане, Таджикистане, а сейчас уже и в Казахстане и России.

Таким образом, цветные революции – явление не определённого пространства (постсоветского), а определённого типа политических режимов. Другое дело, что это тип политических режимов для нашего пространства характерен. Но не только для нашего и, соответственно, цветные революции – не только постсоветское явление. В Сербии Милошевич был убит посредством цветной революции, развивавшейся по такому же сценарию, что и наши, постсоветские. Сербский опыт потом использовался Украиной. По очень схожему сценарию развивались события в этом году в Кении и Зимбабве. Я думаю, можно найти аналогии и в Латинской Америке.

- Какова социальная база этих революций?

- Насколько я понимаю, это прежде всего «средний класс», который достаточно образован и дисциплинирован, чтобы выдержать такую революцию, достаточно развит и образован, чтобы воспринять конституционные и демократические идеи, достаточно активен, который отстранён от власти и страдает от произвола и коррупции правящих верхушек в имитационных демократиях. Цветные революции разворачиваются в столицах, а столицы – сосредоточение такого среднего класса. Без поддержки значительной части столичного населения такую революцию не проведёшь.

Но при этом социальные базы и идеологические оттенки оппозиций, устраивающих такие революции, могут быть отчасти разными. На Украине, например, кроме протеста среднего класса Киева и других крупных центров, действовал и специфически региональный фактор – протест Западной Украины против доминирования «восточных». Региональный фактор

большое значение имел и в Киргизии. В Армении, насколько я представляю, социальная база трёх не удавшихся революций была несколько разной. В 1996 и 2003 годах большую роль играли элементы, ностальгирующие по советскому прошлому, а в 2008-м – скорее та ереванская интеллигенция, которая играла громадную роль при Тер-Петросяне, а затем была полностью отстранена от власти.

- Вы говорите, что в 1996 году в Армении была первая цветная революция. Президентом тогда был Тер-Петросян. А сейчас Тер-Петросян выступал как вождь цветной революции. Как это может быть?

- Это действительно армянский парадокс. Тер-Петросян принадлежит к интеллектуальной элите Армении. Он – неизмеримо культурнее других постсоветских руководителей девяностых. Но, несмотря на всю свою культуру, насколько я понимаю, он шёл по пути создания имитационно-демократического режима, принципиально не отличающегося от режимов, во главе которых стояли значительно менее культурные люди, вроде нашего Ельцина.

Возникновение такого режима, превращение демократии в её имитацию, зависит не столько от того, какой человек во главе страны, сколько от того, насколько страна готова к демократии. Если эта готовность не достаточна, если, скажем, на идейно–декларативном уровне все за демократию, но при этом готовы на всякие фальсификации и преследование оппонентов, чтобы остаться у власти, если в обществе нет необходимого уровня честности и законопослушности - демократия сама собой превращается в имитационную. Тер-Петросян, например, запретил ряд сильных оппозиционных партий, выборы при нём, несомненно, подтасовывались. И в 1996 году его соперник Манукян попытался оспорить результаты выборов. Была даже попытка толпы штурмовать парламент. Но ничего не получилось. Тер-Петросяна отстранили от власти позже в результате бескровного и «закамуфлированного» военного переворота (ультиматумом силовиков). Его отстранение связано прежде всего с тем, что он был за уступки в карабахском вопросе. И к Турции он относился достаточно спокойно. Карабахцы и армяне диаспоры (в основном выходцы из Турецкой Армении) его за это возненавидели. Его отстранение прошло очень легко, режим тогда уже очень ослаб, недовольство было всеобщим.

Но пришедший к власти карабахец Кочарян пошёл по тому же самому пути манипуляций избирательным процессом. Тер-Петросян не участвовал в политике, сидел у себя в особняке и занимался какими-то филологическими штудиями, вроде бы переводил Библию с еврейского на современный армянский. Но вдруг он выходит из изоляции, выставляет свою кандидатуру и затем пытается произвести цветную революцию. Я спрашивал у армян, его поддерживающих и ненавидящих теперешнюю власть – «Ведь при Тер-Петросяне тоже были и коррупция, и беззакония, и фальсификации, как же сейчас он выступает как борец за правопорядок и демократию?» Ответ – « В таких масштабах коррупции и фальсификаций не было!».

- Вы подчёркиваете, что Кочарян и Саркисян – карабахцы. Это имеет значение?

- В Ереване очень сильны антикарабахские настроения. Но это – не только сейчас. Они были сильны и в начале десятилетия, их очень использовали Демирчаны. Сейчас очень распространена идея, что во власти – засилие карабахцев (насколько это так, сказать трудно), а карабахцы «были под мусульманами - азербайджанцами, прониклись их духом и принесли с собой в наш цивилизованный европейский город эту восточную культуру - клановость, коррупцию и т. д.» Это, очевидно, в значительной мере мифология. Но – действенная мифология.

- Почему в Армении цветная революция не победила?

- Наверное, факторов много. Трудно сказать, сколько голосов у Тер-Петросяна украли, но ясно, что большинства он не имел. Он требовал второго тура, надеясь, очевидно, что к нему перейдут голоса других оппозиционных кандидатов. Но всё же он не был таким лидером оппозиции, как Ющенко на Украине. Вообще фигура Тер-Петросяна как борца за правовое государство, по-моему, вызывает некоторые сомнения. Кроме того, Тер-Петросян, насколько я понимаю, многих отпугивал своим очень авторитарным стилем поведения, высокомерием. Так что субъективный фактор здесь сыграл свою роль. Но, несомненно, были и другие. Очевидно, силовые структуры остались лояльны власти. Да и большого давления извне, со стороны США и ЕС, не было.

- Почему?

- Мне кажется, что на Западе очень боятся дестабилизации именно в Армении и Азербайджане. Всё-таки и нефтепроводы, и угроза новой вспышки конфликта. В Азербайджане Запад тоже оппозицию не слишком поддержал. То есть посадить лидеров не дали, но особо сильного давления на Ильхама Алиева не было.

А Россия, естественно, всегда поддерживает власть в режимах имитационных демократий, тем более, что Армения – «стратегический союзник», а Тер-Петросян – более прозападная фигура, чем Кочарян и Саркисян. В Армении все – и оппозиция, и власть – говорили о поддержке Россией Саркисяна, что мы даже вроде бы какие-то войска переправляли и что российские специалисты у Саркисяна работали. Но это могли быть и просто разговоры. Оппозиции такие разговоры нужны, ей надо показать, что боролась она со страшной силой. Власти они тоже нужны – «За нами Россия!»

- В Ереване были беспорядки, людей убили...

- Да, были убиты восемь человек, были разгромлены какие-то магазины. Естественно, оппозиция говорит о провокации. Но что там на самом деле было, сказать невозможно. Цветная революция – война нервов. А нервы сдают, Но выгодно это было, конечно, власти – нужен же предлог для разгона митинга силой.

- Победа цветной революции означает победу демократии?

- Не обязательно. Ведь победители могут пойти по тому же пути. Собственно, мы это и видим сейчас в Киргизии и, очевидно, в Грузии. Но Украину, похоже, цветная революция реально привела к демократии.

Чтобы цветная революция привела к демократии, то есть, чтобы после неё началась ротация разных политических сил, нужно очень многое. Прежде всего, нужно, чтобы у победителей возникла сильная оппозиция. Очень важным отличием Украины от Грузии и Киргизии является то, что политическая сила, которая была свергнута революцией, осталась реальной политической силой. Янукович не был победителем на президентских выборах – ему подбросили бюллетени, но он имел и имеет реальную массовую поддержку, у него сильная региональная база. И наличие этой поддержки, наличие мощной Партии регионов – гарантия того, что «оранжевые» не установят свой режим имитационной демократии. При такой оппозиции очень трудно фальсифицировать выборы.

Таким образом, чтобы цветная революция привела к демократии, нужно, чтобы революция победила, но не тотально, чтобы разбитые политические силы остались достаточно сильными. В Грузии и Киргизии Акаев и Шеварднадзе не оставили за собой сильных поддерживающих их сил. У победителей нет достаточно сильного сопротивления. Это – худшая ситуация. Оппозиция здесь возникает путём расколов в лагере победителей. Но это – более сложный путь.

Так что победа цветной революции, как и любой революции, – не обязательно победа демократии. Эта революция может привести просто к тому, что на смену одному имитационному режиму придёт другой. На смену акаевскому (в Киргизии), например, бакиевский. Но всё равно, даже приведшая просто к смене имитационно-демократических режимов личной власти и даже просто потерпевшая поражение революция способствует демократизации. У общества возникает опыт борьбы, новые режимы становятся более осторожными. В Армении, например, цветная революция потерпела поражение. Но там произошло такое поразительное событие. Был арестован и осуждён, кажется, на два года тюрьмы председатель одной из участковых избирательных комиссий за фальсификацию в пользу Саркисяна! Представляете себе у нас арест за фальсификации в пользу Путина и Медведева?! Это – прямой результат цветной революции. И наверное, в Армении следующие выборы будут более честные и, может быть, приведут к началу ротаций.

- А если посмотреть сквозь призму цветных революций на Россию. Какой шанс, что Россия двинется в эту сторону или есть у нее какой-то альтернативный выход к демократии?

- На каком-то этапе нашего развития, у нас цветная революция, чисто теоретически, была возможна. Этот этап - 96-й год. Если бы тогда другой Зюганов, другой Явлинский, другие правые, какая-то другая комбинация личностных моментов, могла бы, наверное, произойти цветная революция..

- Тогда было действительно некое равновесное состояние.

- Было некое равновесие, выборами власть манипулировала, но не тотально. Мы этот этап прошли. Сейчас мы в состоянии того же Узбекистана или Туркмении, где цветных революций быть не может.

- Если не может быть цветных революций, то что может быть?

- Кошмар заключается в том, что если нет цветных революций, то должна быть просто революция. Потому что такая цепочка передачи власти – Ельцин назначил Путина, Путин назначил Медведева и т.д. - не может быть вечной. Такие режимы быстро теряют обратную связь с обществом и начинают маразмизировать. И где-то цепочка порвётся.

Есть цветные революции, а есть — свержение иракского шаха, свержение Маркоса, свержение Сухарто, вот сейчас – свержение непальского короля.. Это все - те режимы, в рамках которых цветной революции быть не могло, потому что там не было сильной легальной оппозиции. Конец таких режимов – значительно хуже. И для властителей, и для страны.

- Режим не способен к самодемократизации?

- Власть не может сама создавать оппозицию и сама готовить свою ротацию. Это в принципе невозможно. Переход к демократии – дело не власти, а общества. Власть может только либерализоваться, создавая условия, которыми должно воспользоваться общество. Но для этого нужны очень редко встречающиеся качества правителей. Шансов на это мало. И появление у нас таких правителей – очень маловероятно.

Совсем недавно у нас промелькнула возможность развития, которое могло бы относительно мягко привести к демократии. Путин играл в игру: «Угадай преемника!». Сначала был просто Медведев. Потом возникла пара Медведев и Иванов. Ну, дай народу выбрать Иванова или Медведева. При этом можно было зачистить площадку так, чтобы остались эти двое. Но между ними был бы реальный выбор. Никакой прямой опасности для Путина не было бы – выбор-то между своими.. Конечно, это были бы далеко не демократические выборы. Но всё-

таки выборы. И следующие могли бы уже быть реальными. Группы вокруг кандидатов стали бы настоящими партиями....

- И каждый из них опирался бы уже на свой электорат.

- На свой электорат, и уже началось бы какое-то движение. Это не опасно было для Путина, но настолько противоречило всей его психологии, его страху потери контроля... Этот вариант для него был слишком революционный. Но - кто его знает? Может быть, что-то такое еще кто-то когда-то придумает, потому что, на самом деле, мы на очень плохом пути. А цветная революция — это совсем неплохо. И для власти тоже. Судьба Кучмы или Шеварднадзе – совсем не такая ужасная.

- С другой стороны, чтобы стоящие у власти стали об этом думать, они должны чувствовать угрозу для себя. Они ее не чувствуют.

- Я боюсь, что они ее почувствуют, когда будет поздно. Это обычная история.